

Стихотворения, предложенные в ТОП-10 "Кубка Мира по русской поэзии - 2021" членом Жюри конкурса. Лучшие 10 стихотворений "Кубка Мира" будут объявлены Оргкомитетом 31 декабря 2021 года.

Имена авторов подборок будут объявлены 31 декабря 2021 года в Итоговом протоколе конкурса.

1 место

Конкурсное произведение 407. "[Свод зимы](#)"

I.

как — отвести глаза не отводя
ни зоркости зениц ни сна ни страха
ни йскуса — сказать не говоря
ни трепета растерянных ресниц

как — вынуть руку из родной руки
не отнимая от тепла ладони
ни жеста нервного ни тихого касанья
ни слéда от холодных тонких пальцев —

научишься у сумерек и льда

которые себя не отнимают
от стен панельных от зимы и неба
и не отводят холода и мрака
от рассечённых надвое теней

II.

на улице — декабрь и немота
витрины в запотевшей амальгаме —
раскрашен городской продажный сюр
в пурпурно-изумрудный галоген

машинным маслом залит тротуар —
собака фыркает скулит и жмётся к стенам
себя не отделяя от реклам
автобус катит в сторону метро

не хочется ни есть ни покупать
ни слушать речь
ни вглядываться в лица —
исчезнуть раствориться выйти вон

я уклоняюсь от больших дорог
смотреть на время голову задрав

там в недрах неба встали две звезды
на расстоянье крейсерской атаки
морозный воздух нервен и колюч

как полчища звенящей мошкары

над воздухом — в трассёрах Геминид
в небесном незалатанном бушлате —
доносится с окрестных пустырей
сухой немногословный треск петард —
фальстарт
и по всему не скоро
весна отнимет приступом своё

на свод зимы
восходит перочинный росток луны
и перочинный лёд
его в бесплотной луже отражает

раскруживают небо фонари
соединяя запад и восток

III.

бьёт током воздух ключ искрит в замке
привычный быт мозолит глаз трёт руку
предметность вещества стесняет плоть
живой не порождая пустоты

дрожит под потолком люминофор —
пространство ощущается острее
острее одиночества и тьмы
молчанье набирает звон

звенит

2 место

Конкурсное произведение 388. "[От глухого абзаца](#)"

От глухого абзаца сталкер кидает гайки
В непонятный текст, за которым — комната-зло,
Где сидит птичка Сириус, волнистый мой попугайчик,
На снегу-ловушке из белых пушистых слов.

И когда в русской речи поглубже увязнет коготь,
И уже не взлететь в глазурные небеса,
Ото сна очнётся нерукотворный Гоголь,
Из которого за ночь вырос вишнёвый сад.

Пустыри соблазна, доверчивый запах мяты,
Оголённый взгляд по самое немогу.
Птица-тройка, лети-лети! Ты куда? Куда ты?
Не отдам ни пяди, хоть я у тебя в долгу.

Проходи, читатель, в стихах становится жарко.
В наливных глазах у птички блестит огонь.
Загадай желание, вылей до дна боярку,
Прочитай три раза "Отче, не успокой".

Васнецовский лес, громовые раскаты Глинки,
Подступает санкт-петербургский туман к Москве.
Над шинелью вьются мичуринские снежинки,
Тают льдинки мысли на выцветшем рукаве.

3 место

Конкурсное произведение 174. " [Как струны плакали, когда я пианино...](#) "

Как струны плакали, когда я пианино
ломал, чтоб выносить из дома по кускам!
Не так давно на нём играла Рина,
и, словно воробьи щебечут по кустам,
так пальчики её скакали, пели,
и ноты сыпались, и на полу белели,
и волнами качался нотный стан.

Был бледен шрам у шеи, где ключица.
Педали поддавались на весу,
и лился звук, готовый истончиться,
исчезнуть, как последний луч в лесу
теряется во мху, в еловой хвое.
Горел румянец на щеках от хвори,
манили сливы на тарелочке осу.

О музыка — спасение из рая.
Но воронёнок падал из гнезда,
и ты бежала, Рина, невзирая
на то, что не бежала никуда.
Помочь, скорей, там птенчик, божья птаха!
Покой — освобождение от страха.
О рыбичка моя, плыви туда.

Потом не помню, пролетело мимо.
Так память нас баюкает: бай-бай.

Сосульки плакали, когда я пианино
выталкивал из дома: вон! давай!
И отражалось солнце в лаке клавиш.
И ничего-то, Рина, не исправишь.
Ты не поможешь, вот и не мешай.

4 место

Конкурсное произведение 242. " [Насквозь](#) "

Когда побелит голубь твой карниз,
останутся следы как стрелки вниз -
неясно: вход ли, выход?
Голубь глуп.
Осенний лист к оконному стеклу
пожизненно пристал - как приговор.
В проеме разведенных
напрочь
штор
тасуют сумрак люди-фонари -
им проиграв, срывается на крик
фрамуга, загулявшая в ночи,
и тут же,
захлебнувшись,
замолчит
дворовый пустолай.
И ты, гранён,
идешь петрово-водкиным конём –
соседом белой лошади.
Стакан,
как стёклышко тверёз и в стельку пьян,
тебя не отпускает – стой, куда!
Карманник-месяц режет провода
прозрачным краем: чик –
и связи нет.
Ухмылкой расплывается рассвет
над крышами домов - и вкривь, и вкось.

И спит с другим она,
твоя
насквозь.

5 - 10 места

Конкурсное произведение 80. " [Вам не понравится](#) "

1

До полночи – секунда на часах...
Как мышцами, играя интуицией,
проводники сидят на проводах,
прикидываясь птицами.

Налево west. Во всей округе – OST*.
Гадают делегаты в ветках Ирия:
кому изрыт могилами погост,
кому-то небо вырыли...

И вроде бы, пока не мертвецы,
но жизнь другой тариф включила – оп-па – им,
и тайно опытные образцы
общаются с неопытными.

А те, кому не завершили круг,
бегут вовне, стараясь не пораниться
его пространством. Думая: а вдруг
там не понравится?

2

Если всё ещё носишься со своим неудачным детищем,
то вкрути им поярче лампочки: и ноябрь, и сумерки ж!
Ну и что, что живых в этом мире давно уже меньше, чем
умерших...

Пусть себе защищаются сказками и домами тесными:
так, наверное, проще примириться с земною мерою.
Ты включайся теплом у них в глубине, даже если не
веруют...

3

Сумерки утра прячутся по кустам,
вроде, от света, но как им без света, в общем-то?
Внутренний голос опять рассылает спам,
нервы его кодируют рваным почерком
и отсылают в дальние уголки
сущности: пусть поиграет смыслами, неприкаянный,
там, где слетелись работать проводники
днём на полставки – полупроводниками.

* Технология открытого пространства (от англ. Open Space Technology, сокр. OST)

Конкурсное произведение 199. "[Угнетенному мною Билли](#)"

Билл пригласил на пленэр. Я шапочно знаю Билли,
но откажешься, скажет, пренебрегли или нагрубил.
Билли любит меньшинства, приветствует иностранцев...
Еду. Неблизко. На карте - сплошной обман из названий
(в Кингстоне нет кингстонов, в Чарльстоне не до танцев).

Вхожу. На дворе фуршет.
Корешки в зубочистных жалах ничком на траве лежат.
Дело дрова: он жуёт
так, словно суд вершит,
в настроении препираться.
-Хорошо, что пришли, так хотелось поговорить
с белой о репарациях!

Чуть было не хихикнула: вот в чем дело-то!
В бывшей советской еврейке что он увидел белого?

Книга о Холокосте дочитана им до конца,
я захлопнута меж страницами,
как октябрьский жук между рамами.
Резюмирует: - Не фиг шрамом гордиться,
Все у нас тут со шрамами.
Он логичен и убедителен:
-Что мне беды ваших родителей.
Шесть миллионов - подумаешь тоже...
Мириады моих уничтожены.

Ходи потом к ним на парти.
А еще говорят, люди братья.

-За давностью лет обвинять нам некого.
-А что закон? -Закон говорит: Пиноккио,
раз невинен, ступай в тюрьму.
Да и вы, евреи, молчали, где же вам,
простите за прямоту...
Уворачиваюсь от подножек по инерции вежливо:
упадешь и получишь по роже
землей, башмаком по хребту.
Хозяин доволен эффектом. Подыгрываю ему:
-...Я совсем не пытаюсь давить на жалость,
в споре истины нет...

Автор: Оргкомитет
13.12.2021 19:00

Мы фуршетно, тезисно соглашались,
толерантный наш менуэт
танцуя, танцуя,
кроша моих предков кости.
Ничего так сходила в гости.

Били-бом, церковные колокола,
Библия... Билли, люби меня!

Били-бом - и не знаешь, кому молиться:
Ваши боги побили наших,
Наши съели, кого породили.
Билли, споем и спляшем!

Ветры, наверное, город листвой замели.
Там достают до колен поцелуи земли
и достают до небес голоса неживых.
Впрочем, я брежу, и Билли, небрежен и тих,
меня до ворот провожает, не смотрит в глаза.
Те, кто в земле, подталкивают к небесам.

...поезд увозит меня до начала танцев,
пляшут буквы в названиях станций.

Конкурсное произведение 278. " [Принимать](#) "

Доктор Зия́д Самáра, сын земледельца из Бейт-Лахи́и,
как-то сказал мне, что нет никаких религий и наций,
есть только люди, хорошие и плохие,
кардиограмма у всех одна - вереница диастол, систол...
Доктор Зияд Самара учился в России,
где стал гинекологом и марксистом,
малость философом, в меру ценителем разливного,
но не разливанного,
там и женился на Катеньке из Иванова,
позже вернулся на Западный берег,
завёл себе практику, с четверть века работал в родильном,
был активистом борьбы за мир, настоящим, не пародийным,
принял чернявых и смуглых младенцев столько,
что ими можно заполнить несколько средних школ,
слыл по округе богом, пусть и не обжигал горшков,
ехал однажды из клиники хмурым дождливым январским днём,
остановился, увидев расстрелянный джип и пару гражданских в нём,
бросился к раненым, стал накладывать жгут
на глазах у зевак, что стояли рядом с бензоколонкой,

не осмелюсь и выйти из-под её навеса,
не говоря уж о том, чтоб спасти чужака, оккупанта и иноверца...
После шумихи в прессе, и раздражённой, и упоённой,
доктор Зияд Самара два дня бродил по пустой приёмной,
некогда тщательно им оформленной в строгом английском стиле,
больше в родное родильное доктора твёрдо, но вежливо не пустили,
вскоре пришёл человек из особых служб, вынудил долго мараить бумагу,
этой же ночью доктор Зияд Самара видел, как жгли его раритетную колымагу
те, кого он долгие годы бережно принимал – стаж-то у доктора был немал.
Доктор Зияд Самара поколебался, но понял, что ехать надо,
и на визитке его теперь Макгилл, Монреаль, Канада,
в трубке моей иногда звучит его голос:
«А-коль бесэдер, хабиби, а-коль тов*,
я здесь принимаю младенцев любых цветов,
только вот думаю часто, как говорят по-русски, япона мать,
если так дальше пойдет, кто ж их будет там, на родине, принимать...»

*А-коль бесэдер, хабиби, а-коль тов (ивр.-араб.) – всё в порядке, дружище, всё хорошо.

Конкурсное произведение 343. " [Трое](#) "

Презирая кефир и макароны по-флотски,
От меня ушёл бомжевать мой внутренний Бродский.
Лёжа в баке, глядит на небо, не знает горя -
В перевёрнутом доме у самого Серого моря.

На одной из галер из Зюзино в Бирюлёво
Унесло моего внутреннего Гумилёва.
Говорят, возле МКАДа, на озере Вечного Чада
Был покусан псоглавцами, так дураку и надо.

За окном - диктатура осени. Под каштаном
Расправлялись гопники с внутренним Мандельштамом.
Расколов пополам колючую несвободу,
Голова укатилась гладким волшебным плодом.

...

Рикошетируют обиды косточками черешни.
Ты сказала, что я поверхностный. Нет, я внешний.
Посмотри, у меня внутри только стол, три стула.
И слова, на губах проходящие, как простуда.

Конкурсное произведение 382. " [Водное](#) "

Автор: Оргкомитет
13.12.2021 19:00

Голос с верхней палубы (не капитана):

"Гребите, ироды, вы достали
раскуривать трубки мира со штилем,
гребите! Иначе
железный мячик
вам борт прошпилит!"

Голос (матросы толпой):

"А ты кто такой?
А что за железный мячик?"

Голос: "Я - осень.

Я ваши дела упрячу
в листья, в волны, в песок, в никуда.
Чтоб не пришла беда
на ваши пустые борта,
ни эта, ни та,
гребите, глупые крабы!"

Голос (матросы толпой):

"Ишь ты какой!
Да мы и сами не рады...
А что за железный мячик?"

Голос (откуда-то с юта):

"У вас лишь минута,
чтобы начать грести,
иначе вас не спасти,
на песке вам хвощом прорасти,
рыб пасти..."

Голос (матросы кучей):

"Вона какой приставучий!
Мерещится, вроде,
при этой погоде...
Но что за железный мячик?"

Слышится скрип вёсел,
сопенье гребцов, отцов-молодцов,
штиль забивается глубже в планктон,
прячется котиком, только уши - на горизонте два острова острые.
В капитанской фуражке, на юте - осень,
в погонах с пятью полосками,
звёздами четырьмя, трубкой дымя...
Всё так просто,
что хочется, чтобы взорвался где-нибудь порох.

Автор: Оргкомитет
13.12.2021 19:00

горы посыпались в воду горохом,
исчезли уши у штиля,
чтоб стало плохо,
бесконечно плохо -
а потом
чуток отпустило...
И чтобы молчала осень.

А осень улыбку спрячет,
Расправит плечи и когти,
залезет ладонью мокрой
достанет железный мячик
и пристально смотрит.
Смотрит...

(гребите!)

Конкурсное произведение 400. " [Верещагины](#) "

Череповец – чепец, печаль, оправа
овальная для важного лица.
Машины маслоделательной слава
в именье Верещагина-отца.

Дождь перестал охотиться беспечно
за отраженьем в зеркале реки.
Жаль, осень так буквально быстротечна –
отточием не удлинить строки.

Скатерть серая отутюжена –
Закатали солнце в асфальт.
Не доехали мы до Устюжны,
И до Устюга не достать.

Где стоим – пополам расколота
В дождь отмытая добела
С крышей-колоколом колоколенка,
Чьи замолкли колокола.

Осень поздняя, утро раннее,
Только голуби и дымки:
Только банями да сараями
Склон ощерился до реки.

Автор: Оргкомитет
13.12.2021 19:00

Брёвна мхом поросли и чагами,
Да сорока вдруг верещит.
Вся надежда на Верещагина –
Да надежду ищи-свищи.

Верещагин сидит на каспийской таможне.
От вина и от выстрелов воздух рябит.
«Я ведь, знаешь, Петруха – великий художник!», –
Верещагин в запале Петру говорит.

«Я писал звонкий зной самаркандского неба,
Запечённый в лазури восточных аркад –
Я любил эту жизнь, обращённую в пепел,
Лязг ружейных затворов и дым канонад.

Я прошёл Туркестан, а погиб на Японской:
Броненосец на рейде – не абы чего!
Я, Петруха, мечтал любоваться на солнце –
Написал, как сверкает гора черепов...

Там сияло светло – только солнца не видно,
Только фурии смерти неслись по пятам.
Мне, Петруха, пойми, за державу обидно!» –
И Петруха кивает, до чёртиков пьян.

Вот они обнялись, как братишки, как должно,
Комарьё налетевшей картечи кляня:
Луспекаев, артист, Верещагин, художник,
И Петруха – ключами от рая звеня.

* Череповец, Устюжна, Устюг – города в Вологодской области.

Билл пригласил на пленэр. Я шапочно знаю Билли,
но откажешься, скажет, пренебрегли или нагубили.
Билли любит меньшинства, приветствует иностранцев...
Еду. Неблизко. На карте - сплошной обман из названий
(в Кингстоне нет кингстонов, в Чарльстоне не до танцев).

Вхожу. На дворе фуршет.
Корешки в зубочистных жалах ничком на траве лежат.
Дело дрова: он жуёт
так, словно суд вершит,
в настроении препираться.
-Хорошо, что пришли, так хотелось поговорить
с белой о репарациях!

Чуть было не хихикнула: вот в чем дело-то!
В бывшей советской еврейке что он увидел белого?

Книга о Холокосте дочитана им до конца,
я захлопнута меж страницами,
как октябрьский жук между рамами.
Резюмирует: - Не фиг шрамом гордиться,
Все у нас тут со шрамами.
Он логичен и убедителен:
-Что мне беды ваших родителей.
Шесть миллионов - подумаешь тоже...
Мириады моих уничтожены.

Ходи потом к ним на парти.
А еще говорят, люди братья.

-За давностью лет обвинять нам некого.
-А что закон? -Закон говорит: Пиноккио,
раз невинен, ступай в тюрьму.
Да и вы, евреи, молчали, где же вам,
простите за прямоту...
Уворачиваюсь от подножек по инерции вежливо:
упадешь и получишь по роже
землей, башмаком по хребту.
Хозяин доволен эффектом. Подыгрываю ему:
-...Я совсем не пытаюсь давить на жалость,
в споре истины нет...
Мы фуршетно, тезисно соглашались,
толерантный наш менуэт
танцую, танцую,
кроша моих предков кости.
Ничего так сходила в гости.

Автор: Оргкомитет
13.12.2021 19:00

Били-бом, церковные колокола,
Библия... Билли, люби меня!

Били-бом - и не знаешь, кому молиться:
Ваши боги побили наших,
Наши съели, кого породили.
Билли, споем и спляшем!

Ветры, наверное, город листвой замели.
Там достают до колен поцелуи земли
и достают до небес голоса неживых.
Впрочем, я брежу, и Билли, небрежен и тих,
меня до ворот провожает, не смотрит в глаза.
Те, кто в земле, подталкивают к небесам.

...поезд увозит меня до начала танцев,
пляшут буквы в названиях станций.